

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.М. Козьменко

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье на конкретных примерах исследуется состояние российской исторической науки после распада СССР и до наших дней, показана ее взаимосвязь с обществом, дан сравнительный анализ развития исторической науки в советский период и в настоящее время. В заключение формулируются выводы и рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование приоритетов исторической науки в связи с актуальными требованиями XXI в.

Ключевые слова: историческая наука, общество, историческая память, уроки истории, историческое сознание, принципы историзма, мировая историография, национальные традиции.

Неудовлетворенность, а скорее всего, озабоченность современным состоянием исторической науки выражают не только отечественные, но и зарубежные историки. Дискуссии о необходимости обновления исторической науки в ее новом понимании и перспективах развития ведутся в настоящее время на страницах специальных изданий, в ходе международных форумов историков, различных конференций и симпозиумов, охватив многие научные школы и направления. Критическому обсуждению и анализу подвергаются многие узловые аспекты исторического знания, профессионализм некоторых историков. В этой связи закономерное беспокойство вызывает, прежде всего, сама судьба исторической науки, пути, возможности, условия и перспективы ее дальнейшего развития, отношение, складывающиеся между исторической наукой и обществом.

Как известно, историческая память нашего народа, даже если не все в ней исторически достоверно, особенно чувствительна по отношению к тем

страницам и эпизодам в отечественной истории, которые органично вписываются в систему взглядов и норм поведения, соответствуют ментальности народа, его представлениям о государственном устройстве, окружающем мире, национальных и культурных традициях, нравах, обычаях, «социально-одобряемых» нормах поведения и т.д. С учетом этого историк не должен пренебрегать исторической памятью народа, игнорировать ее при разработке исторических идей и концепций.

В этой связи необходимо отметить, что любой народ имеет право гордиться своей историей, несмотря на то, что она имела горестные и порой позорные страницы. Совершенно справедливо говорил об этом Н.М. Карамзин: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, исказить факты, преувеличивать счастье или умять в своем изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; не может, даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем прежде всего должен быть историк» (1).

Соглашаясь с великим ученым, уместно напомнить, что советские историки крайне редко придерживались этого правила и слишком часто мирились с исторической полуправдой, ликующие били в литавры тогда, когда нужны были скорбные, а возможно, и траурные мелодии, когда следовало с сочувствием и болью показывать трагедию страны и страдания людей. Многим советским историкам не хватало как раз той гражданственности, о которой постоянно говорил другой известный историк В.О. Ключевский: «Определяя задачи и направление своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином» (2). И с этим мнением талантливого ученого нельзя не согласиться, тем более что современный писатель Д.А. Гранин называл это чувство «включенностью в историю». В частности, он писал, что «Когда-то существовало в обществе историческое сознание. И большие, и малые деятели понимали свою ответственность перед детьми, внуками, свою включенность в историю. Куда исчезло это чувство?» (3). А действительно, куда? Кто сегодня может ответить на этот актуальный вопрос?

Не решив многие актуальные, доставшиеся ему в наследство проблемы, XX в. породил новые, еще более сложные, которые предстоит решать XXI в. Хотелось бы надеяться, что события XX в. послужат человечеству серьезным предостережением от возможного повторения ошибок и просчетов своих предшественников в новом XXI в., чему будут способствовать объективные, глубоко правдивые исторические исследования.

В этой связи современному человечеству необходимо осознать, что взять с собой из достигнутого в XX в., а что навсегда оставить истории. В этом осмыслении уроков прожитого века и состоит в настоящее время, по нашему мнению, одна из важнейших функций исторической науки.

В переходные периоды, которыми был насыщен XX в., обращение граждан к своей истории имеет особое значение, особый смысл. Историческое знание тесно переплетается с общественным самосознанием. Народы, остро реагируя на имевшие место перемены, стараются разобраться в сути, истоках, направленности и основных тенденциях общественного развития. В этой связи они прежде всего, как нам кажется, обращаются к истории своей страны. Весь XX в. в определенном смысле можно рассматривать как целостную переходную эпоху. Многие страны мира, в том числе и Россия, пережили и переживают переломные моменты своей истории. В одних сменялся социальный строй, в других – форма государственного устройства, в третьих шел трудный процесс становления независимости в ходе крушения и распада некогда могущественных империй. И всюду, как правило, преобладали переходные формы общественного развития. Именно в эти переходные эпохи обращение к своей истории становится едва ли не важнейшим фактором национально-культурного возрождения народов, укрепления собственной государственности, что мы видим на примере Российской Федерации.

События, имевшие переломное значение, вынуждали историков переосмысливать свои оценки и исторические концепции. В переходные периоды история, как справедливо отмечал Р.Ю. Виппер, из наставницы жизни, какой ее считал Цицерон, превращается в ее ученицу. Исторической науке приходилось пересматривать прежние концепции, подвергать их критике, заменять одни положения другими, иногда прямо противоположными. В частности, определяя состояние российской исторической науки накануне революционных событий 1917 г., тот же Р.Ю. Виппер писал: «Мы были участниками, частицами великого государственного тела, ныне более не существующего. Мы притягивали историю для объяснения того, как выросло русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет историков проверить свои суждения. Он властно требует объяснения: надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования исторической науки» (4).

В этой связи напрашивается справедливый вопрос: а сможем ли мы сегодня также честно и откровенно, как это сделал в свое время Р.Ю. Виппер и многие другие представители дореволюционной историографии, дать объективную характеристику тому, что произошло с Россией после распада Советского Союза и образования Союза Независимых Государств, объяснить сам факт и обстоятельства падения советской власти и с учетом этого провести глубокий анализ состояния как советской, так и современной исторической науки, определить, насколько объективно и адекватно она отражает процесс этих изменений и в чем видят свою роль историки и другие представители социально-политических наук в обновлении современного российского государства?

Думаю, что это сложный и весьма актуальный вопрос, хотя попытки проанализировать новую ситуацию, сложившуюся в современной историче-

ской науке, безусловно предпринимались и предпринимаются. Но очень уж робко. И этому можно в какой-то мере найти объяснение хотя бы в том, что мало кто из российских историков после 1991 г. мог предположить, что наступит такое время, когда их научная деятельность окажется в эпицентре общественной жизни, а история вызовет к себе столь острый интерес. Материалами о недавнем и далеком прошлом России заполняются массовые издания. Обращение к российской истории стало своего рода модой, оно в определенной мере дает возможность судить о политическом состоянии и настрое общества, уровне его исторического самосознания и политической культуры.

В этой связи необходимо отметить, что о проблемах истории спорят сегодня наряду с историками многие писатели, журналисты, политологи, международники, представители других профессий. Этот интерес к истории порой сопровождается достаточно сильной критикой профессиональных историков и самой исторической науки, прежде всего академической, конкретных исторических трудов, учебников, сложившейся системы исторического образования.

Столь нелюбимая критика современного состояния исторической науки вызвана, по нашему мнению, во-первых, тем, что повышенный интерес общества к истории, вполне естественный на изломе истории, когда граждане особенно сильно ощущают связь времен и поколений, остается в значительной степени неудовлетворенным, а во-вторых, тем, что некоторые деятели, в том числе от политики, склонны перекладывать, иногда совершенно необоснованно, на историческую науку ответственность за ошибки и просчеты властных структур, политиков. Конечно, история не имеет возможности отвечать за дела руководства страны, так как известно, что она никогда и не имела реальной возможности конкретно влиять на принятие государственных решений. А разве государство всегда воспринимало позитивно рекомендации исторической науки? Нет, не всегда, и порой держало эту самую науку на положении падчерицы.

Известно, что изучение истории не может дать положительных и плодотворных результатов, если оно строится на предвзятости, полуправде, ложных посылах, мифах и легендах, а подлинные факты остаются как бы за кадром. Еще раньше М. Вебер отмечал, что «интересы науки в конечном итоге меньше всего играют роль там, где пытаются не замечать неприятные факты и жизненные реальности во всей их остроте» (5).

В этой связи хотелось бы напомнить, что мифотворчество, как и прямая фальсификация, являлись такими же неотъемлемыми чертами официальной, например, советской историографии, как и ее склонность отстаивать сухие социологические схемы, держаться искусственных стереотипов, которые значили для нее больше, чем реальные исторические факты. Именно на такой, якобы научной основе и формировалось массовое историческое сознание. Преднамеренное искажение и сокрытие правды истории неизбежно вело к существенным нравственным изъянам и историческому беспамятству.

В свете вышесказанного уместно выяснить: во-первых, какой является современная историческая наука; во-вторых, можно ли предвидеть ход и логику ее дальнейшего развития? В этом отношении можно предположить некоторые взгляды на историческую науку. Основное и главное состоит, на наш взгляд, в том, что XXI в. может посрамить тех, кто пытается похоронить историческую науку, предвещая ей скорый конец. Этого не произойдет. Напротив, история, по нашему мнению, впервые за все время своего существования должна занять свое законное место в системе приоритетных наук. Достаточно длительное время она находилась на положении падчерицы, пытаясь самоутвердиться и отстоять себя, даже просто выжить, не видя, а возможно, и не желая видеть и своей доли ответственности за то униженное положение, в котором она часто оказывалась.

В результате к исторической науке стали относиться не как к приоритетной дисциплине, а как к второстепенной сфере знаний. Историческая наука зачастую и в настоящее время воспринимается в обществе как своего рода совокупность субъективных, порой весьма противоречивых взглядов, оценок, выводов, добытых, как правило, не в результате свободного, объективного и непредвзятого изучения исторических источников и материалов, а как симбиоз схоластических, оторванных от реальной исторической жизни схем, привнесенных из других областей знаний.

Все это, как известно, приводило к тому, что историческая наука часто сама уклонялась от своего права самостоятельно определять свое лицо, мирилась с отведенной ей ролью описывать события и факты, не вторгаясь в область теории, выявления и обоснования исторических законов и закономерностей. Конечно, на данном этапе развития российского общества такое положение должно быть преодолено и историческая наука должна занять достойное и равноправное положение как среди других наук, так и в обществе, позволившее осознать необходимость исторической науки, которая перестанет быть, по нашему глубокому убеждению, невосребованной.

В этой связи в содержательной части исторической науки должны появиться, как нам думается, новые идеи и новые концепции, которые обязательно должны сказаться на ее принципиально ином уровне, заставить по-новому взглянуть на прошлое человечества, по-иному его оценить на современном этапе.

Если послушать некоторых современных историков, то может сложиться впечатление, что все уже в области познания исторического прошлого России сказано и обосновано, а современным и будущим поколениям российских граждан остается только либо соглашаться с теми выводами, которые уже были провозглашены, либо отвергать их, не выдвигая ничего взамен. В лучшем случае призывают возвратиться к истокам, черпать в них какие-то до сих пор не использованные в должной мере или необоснованно забытые идеи и мысли.

Одновременно исторической науке необходимо освободиться от политической и идеологической зашоренности, представить прошлое во всем его многообразии, многослойности и неповторимости. И тогда, возможно, будет реализована идея, волновавшая Шпенглера, о том, что главная ошибка историков состоит прежде всего в том, что все они писали истории с точки зрения современного человека, деля ее на совершенно разные по многим параметрам периоды, в частности, древности, средневековья и нового времени.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что современной исторической науке придется уделить, хотим мы этого или нет, особое внимание совершенствованию своего понятийного аппарата, который играет важную роль в процессе исторического познания и в значительной мере характеризует ее состояние и уровень развития. Однако имеющиеся в настоящее время понятия и категории, термины и дефиниции, которыми располагает современный историк, до сих пор довольно минимальны и порой несовершенны. В результате наши историки в одни и те же термины вкладывают разный, порой прямо противоположный смысл. Поэтому они нередко не понимают друг друга.

В то же время, используя сегодняшние понятия и термины, отражающие новейшие исторические события и процессы, многие исследователи вынуждены произвольно «подтягивать» историю к современности, подгоняя ее исторический материал к уже готовым формулам, принципиальным оценкам и выводам. По-хорошему, профессиональному историку необходимо научиться с каждой исторической эпохой разговаривать на ее языке, используя присущую ей систему понятий и терминов, тогда он сумеет понять и верно передать дух и особенности исследуемой эпохи.

В настоящее время должна, по нашему мнению, существенно расширяться источниковая база исторических исследований, прежде всего за счет самых разных архивных документов, которые все еще не всегда доступны исследователю, находятся под запретом или становятся достоянием очень небольшой части ученых. Архивные источники должны в полном объеме служить интересам исторической науки. Только свободный доступ к ним может поставить всех исследователей в равное положение, поднять научный уровень исторических исследований, особенно в области отечественной истории. В этих условиях должны, по нашему мнению, более четкими стать и критерии оценки исторических работ, когда судить о них станут не только и не столько по так называемой актуальности избранной темы или проблемы, а прежде всего по уровню и качеству их исполнения, по глубине познания и широте охвата реального исторического процесса.

В современной исторической науке должно уйти в прошлое противопоставление народов и национальных культур и восторжествовать принципы уважительного отношения к отечественной истории, культуре, традициям многонационального народа России. Сегодня уже совершенно очевидно, что ни одна национальная историография не может успешно развиваться, изолируя себя от других отрядов российской историографии. Историческая

наука может успешно развиваться лишь как всероссийская наука при условии существования национальной истории каждого региона.

Хотелось бы надеяться, что в ближайшей обозримом времени будет преодолен кризис системы исторического образования, которое подвергнется серьезному реформированию. Не только студенты, школьники, но и все граждане Российской Федерации, независимо от избранной ими профессии, должны получать глубокие исторические знания. Должно уйти в прошлое складывавшееся десятилетиями представление о том, что можно быть современно образованным человеком, не зная истории и культуры своей страны.

Понимание и знание истории, как и формирование исторического сознания, покоились до сих пор на ограниченном историко-культурном материале, исключавшем огромные пласты исторической и культурной жизни. Все это порождало во многом искаженную картину истории народов мира, определенный снобизм, даже национал-шовинизм, проявляющийся в попытках «удревнить» свою историю и исказить историю других народов. В советской историографии усиленно насаждался тезис о том, что до 1917 г. в России будто бы вообще не было истории, а была лишь предыстория.

С учетом реализации этой актуальной задачи должны произойти, по нашему мнению, существенные сдвиги во взаимоотношениях общества и исторической науки, истории и современности. Иначе от их разобщенности страдают обе стороны: общественные движения нередко терпели поражение, так как пренебрегали уроками истории, а историческая наука хирела из-за того, что исторические знания и анализ прошлого оказывались невосребованными.

Однако эти два процесса, по нашему мнению, во многом взаимосвязаны, и от их эффективного взаимодействия зависит не только заинтересованное отношение граждан к своему прошлому, но и сказывается позитивно на уровне их гражданского и исторического самосознания, решении многих текущих проблем, так как каждая проблема имеет свою историю, забвение которой может обернуться негативными последствиями для любой страны. Опыт нашей страны, как и других государств, подтверждает, что, чем больший разрыв между настоящим и прошлым, чем слабее связи со своей историей, тем дольше и тяжелее приходится преодолевать обществу различные трудности и осложнения в своем поступательном развитии, особенно в период обновления и реформирования общества, как это случилось после распада СССР и создания Российской Федерации.

И, наоборот, чем органичнее и естественнее проявляет себя связь времен, чем глубже осваиваются прогрессивные исторические, культурные и национальные традиции, тем выше духовно-нравственное состояние общества, тем значительнее достижения в различных областях государственной жизни, тем стабильнее внутривластное положение страны. История была и остается оселком, на котором оттачиваются решения государственных задач.

Будем надеяться в этой связи, что современный этап развития российского общества откроет новые горизонты перед исторической наукой, которые будут способствовать новым открытиям, значительному расширению исторического кругозора, объему знаний о прошлом и настоящем. Отечественная история, в частности, обязана преодолеть многие из своих нынешних бед и пороков и занять достойное место в жизни современного российского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Карамзин Н.М. Предания веков. – М., 1987. – С. 28.
- (2) Ключевский В.О. Сочинения. – М., 1987. – Т. 1. – С. 62.
- (3) Гранин Д. Запретная глава // Знамя. – 1988. – № 2. – С. 127.
- (4) Виппер Р. Кризис исторической науки. – Казань, 1921. – С. 3.
- (5) Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 353.

REFERENCES

- (1) Karamzin N. M. *Predaniya vekov* [Legends of centuries]. Moscow, 1987, p. 28.
- (2) Klyuchevskiy V. O. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1987, vol. 1, p. 62.
- (3) Granin D. Forbidden chapter, *Znamya – Banner*, 1988, no 2, p. 127.
- (4) Vipper R. *Krizis istoricheskoy nauki* [The crisis of historical scholarship]. Kazan, 1921, p. 3.
- (5) Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1990, p. 353

SOME PROBLEMS OF MODERN HISTORICAL SCIENCE

V.M. Kozmenko

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the position of the historical science in Russia after the USSR disintegration up to the present time. The author shows its interconnection with the society, gives comparative analysis of the historical science development in the Soviet period and at present. The author makes conclusions and recommendations for further development of the historical science priorities according to the 21st century pressing demands.

Key words: historical science, society, historical memory, lessons of history, historical consciousness, principles of historicism, world historiography, national traditions.